

УДК 13:130.2

ББК 87

И 605

А. А. Индриков

МОНУМЕНТАЛЬНЫЙ ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ: КОДЫ СЛАВНОГО БУДУЩЕГО

В статье рассматривается феномен так называемых больших, монументальных идей, которые выполняют в культуре России задачу формирования стратегий её будущего развития. Монументализм представлен как коммуникативная практика, как программа формирования целостной картины мира, общественного единства. Автор раскрывает специфику современной культуры через борьбу монументальных объединяющих символов за право быть приоритетными при формировании общественной стратегии. Показано, что и мировая культура также не может существовать без ориентации на скрепляющие её монументальные идеи, зафиксированные в выдающихся достижениях человечества.

Ключевые слова: язык культуры, большой стиль, монументальность культуры, духовный код.

A. A. Indrikov

MONUMENTAL LANGUAGE OF CULTURE: CODES OF THE GLORIOUS FUTURE

The article discloses the phenomenon of the monumental ideas that determine in Russian culture its future development strategies. Monumentalism is presented as a communicative practice, the program of formation of a coherent picture of the world. The author reveals the specifics of the modern culture through the struggle of a monumental uniting symbols fighting for the priority in the appointing of the social strategy. It is shown that the world culture also needs the monumental ideas fastening her through the outstanding achievements of the mankind.

Keywords: culture language, big style, culture monumentality, moral code.

Индриков Алексей Алексеевич [Alexei A. Indrikov] — кандидат философских наук. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: indrikov86@gmail.com.

Материал поступил в редакцию 23.04.2016; рекомендован к публикации 1.10.2016. Рецензент от редакционной коллегии журнала — доктор филологических наук Раков Валерий Петрович.

Актуальность обращения к проблеме монументальности русской культуры обусловлена фактом стремительного снижения общественного запроса на большие задачи, связанные с выработкой стратегии «исторического целеполагания» [6]. Не случайно кризис европейской культуры известные философы и культурологи связывают именно с утратой способности к формированию так называемых больших идей (А. С. Панарин). Это идеи, способные создавать вокруг себя, по Гегелю, духовные, нравственные союзы людей, осознающих себя единым народом.

Проблема сохранения русской культуры мыслится «в особом ракурсе», т. е. с учетом всей важности ее монументальных оснований. Под монументальными основаниями культуры мы понимаем следующее. Во-первых, это *способность нации к постановке, формулированию и публичному «проговариванию»* (в сфере литературы и искусства) *целей и смыслов исторического бытия*. Во-вторых, это выработанные тысячелетним опытом культурного и цивилизационного строительства *нравственные идеалы, создающие «символический капитал» нации*, — *те образцы народного единения, ценности справедливости*, которые хранят в себе и воспроизводят для потомков художественная литература и искусство. Так, ставший литературным памятником роман Л. Н. Толстого «Война и мир» показывает, как высшие нравственные ценности (защита Отечества) организуют, монументализируют «волю народа», превращая ее в гарант исторического, по-иному, цивилизационного бытия народа.

Для сохранения русской культуры ей исторически необходимо поддерживать собственный «символический капитал» и составляющие его «славные традиции», а из этого вытекает необходимость стремления к монументальному — этой стратегии будущего, дающей культуре силы опираться на соединенное во имя задач цивилизационного устройства народное целое.

В связи с этим возникает вопрос о соответствующем языке, на котором может быть предъявлена стратегия будущего. Язык культуры — это вся совокупность смыслов, необходимых ей для исторического самосохранения, и в качестве цивилизационного основания представленная в виде символически выраженных образцов и моделей личностного бытия. Таковым является язык «большого», т. е. высокого культурного стиля.

Такой язык способен противостоять засилью в публичной сфере России массовой культуры, ориентированной на ситуативные потребительски-прагматичные модели поведения, под воздействием которых стремительно ме-

няется в сторону «морального опрощения» социально-культурная реальность. Сопутствующее культурно-интеллектуальное упрощение концентрирует внимание общества в первую очередь на «стартапах» и разного рода бизнес-проектах весьма локального, сиюминутного уровня. Кинематограф (особенно молодежные сериалы) также ставит в центр сюжета индивида, не обремененного задачами созидания на благо всего общества (которые можно назвать монументальными задачами по своим «собирающим», объединяющим свойствам). Развивая инициативу преимущественно индивидуального, предпринимательского типа, общество утрачивает способность к стратегической консолидации, необходимой для выработки «большой задачи» по сохранению уникального цивилизационного субъекта — России.

Сегодня мы можем наблюдать, как активно заявляет о себе новая среда обитания с «массовым человеком» в центре. Эта среда, существующая на принципах «конвейерной этики», лишаящая человека свойств уникальности и интеллектуально-духовной самостоятельности, превращающая его всего лишь в представителя толпы, подверженного манипуляциям [5], дистанцируется от высоких морально-духовных требований к человеку. Поэтому не теряет остроты вопрос о том, каково будущее русской культуры, целиком и полностью построенной на высоких критериальных основаниях человеческого общежития, как она сможет заложить этот культурный код в стратегический сценарий своего будущего цивилизационного развития. По-другому, это вопрос о том, каковы механизмы, обеспечивающие преемственность славных страниц отечественной истории.

В противовес ситуации с обслуживанием обществом интересов рыночных «конвейерных» культурных кодов, способных переформатировать русскую культуру, необходимо говорить о принципиально иной парадигме ее развития — о монументальной философии, подчиненной гуманистическому запросу человечества. Показательно, что трансформация возрожденческого гуманистического пафоса в «псевдодемократические квазигуманистические практики электорального управления» обсуждается сегодня на серьезном философско-методологическом уровне [2].

Основой процесса «демонументализации» современного общества стали технологии фрагментирования общественного сознания, переводящие его в состояние массового, лишённого системно-целостных представлений о мире и потому легко подверженного манипуляциям. С точки зрения той экономиче-

ской формации, в которой мы сейчас находимся, уместно говорить о «культуре конвейера» [4].

Также среди примеров «демонументализации» можно указать на анализ, «разбор» на отдельные, вырванные из контекста детали биографии носителей славных традиций, людей-монументов, к каковым безусловно относятся герои Великой Отечественной войны. Так, в серии исторических передач на телеканале «Россия» («Зоя Космодемьянская. Правда о подвиге», 2005 г. и другие) подвергается переосмыслению необходимость подвигов героев, рассматриваются варианты более «эффективного» их поведения, не говоря уже о чрезмерной детализации некоторых элементов биографии. Фактологический подход — «изучить полноту» события и личности вкупе с элементами вроде бы естественного научно-исторического сомнения — создает методологическое алиби, позволяющее произвольно детализировать, раздроблять целое героической личности, снимать сакральность с символики массового героизма народа (в данном случае Зои Космодемьянской), который если и нуждается в изучении, то только с целью подчеркнуть его соборное, *всенародное, даже над-историческое* значение.

Что касается современного подхода к изучению истории России, то в нем также необходимо прийти к ее монументальному пониманию. В первую очередь четкое представление об исторической судьбе нашей страны должно быть осмыслено сквозь призму ее грандиозной, всепланетарной миссии — неравнодушия к несправедливости, где бы она ни проявлялась. Из событий, наполняющих многогранную ее историю, должен быть создан символический патриотический стержень, вокруг которого все факты выстроятся без искажений и оскорбительных двусмысленностей. Переход к позиции, созидающей из нашей истории славный монумент, должен оставить в прошлом концепцию, разбирающую летопись на разрозненные части, которые не представляют по отдельности стратегической ценности для будущих поколений.

При этом действительно все настойчивее заявляет о себе «запрос из будущего», отчетливо сформулированный, например, в докладе известного российского экономиста, политика и общественного деятеля С. Ю. Глазьева. Размышляя о социально-экономической системе, адекватной требованиям нового технологического уклада, формирующегося в современной цивилизации, он отмечает: «Спецификой последнего является его гуманитарный характер — крупнейшими отраслями экономики становятся здравоохранение, образование,

наука и культура, на долю которых в совокупности вскоре будет приходиться около половины ВВП» [1].

Монументализм как доктрина и как философия позволит создать информационную систему культурно-объединяющего значения, в которой главенствующую роль будут играть соборные смыслы культуры. Соборность культурных значений способна преодолеть программу индивидуалистического потребления, перестающую отвечать новым цивилизационным условиям, и обеспечить отдачу в виде высокого социально-экономического коллективного результата, одинаково работающего на каждого участника общества.

Введение в информационное пространство коллективных категорий (народ, государство, общество, патриотизм, вера) не просто символически монументализирует культурно-историческую идентичность, но формирует способность к историческому выживанию. Если массовизация общественного сознания отчуждает его носителей от общей традиции и исторической памяти, то монументализм как коммуникативная практика выступает фактором объединения народа вокруг его высших достижений. Следует отметить, что в словаре В. В. Даля, например, понятие «монументальный» соотносится со значением «славный, знаменитый, пребывающий в виде памятника» [3, с. 345]. Монументализм как коммуникативная практика — лучший способ включения широкой аудитории в контекст исторической памяти и гордости за собственные свершения и возможности. Таким образом, возникает нечто вроде незримого, но осознаваемого и понимаемого всеми памятника, который выступает как ориентир для общества, выполняя функцию аттрактора в стратегическом планировании.

Монументализм нередко соотносится в культуре с политически окрашенной системой ценностей автора-творца, воплощающего в своем творчестве архетипические образы силы, величия и могущества народа. Подобное понимание монументализма укрепилось в общественном мнении начиная со второй половины XX века. В основе его лежит формная (формальная) соотнесенность художественных монументальных образцов с идеологиями, нарушающими свободы и демократические права граждан, как это было в 1930-40-е годы в Европе, где устанавливались диктатуры, ищущие себе идейной опоры в архитектурном гигантизме и ставящие цель с его помощью подавить человека, сделав его послушной частицей контролируемой массы.

Однако монументализм как культурный феномен не является обязательным спутником и проявлением конкретной исторической ситуации в конкрет-

ной стране и не может рассматриваться только в связи с политическими системами, преследующими зачастую антигуманные цели (тоталитаризм). Через монументализм заявляет о себе фундаментальная потребность общества быть отраженным в едином, соборном образе-эталоне. Этот образ должен олицетворять лучшие качества не отдельного человека, но всего народа, качества, которые зафиксированы исторической памятью как наиболее значимые и славные.

Таким образом, мы выходим на серьезную проблему современности, когда борьба монументальных объединяющих символов за право быть приоритетными при формировании общественной стратегии — затрагивает глубинные основания культуры. Именно решение проблемы массовизации сознания, когда члены общества теряют коллективные основания бытия, может обеспечить и здоровую культурную преемственность народа, его твердую духовную будущность. Об этом говорил еще К. Г. Юнг, рассуждая об архетипах: они есть класс психических содержаний, события которого не имеют своего источника в отдельном индивиде. Специфика этих содержаний заключается в их принадлежности к типу, несущему в себе свойства всего человечества как некоего целого [7].

Монументализм как коммуникативная практика — это в первую очередь *программа формирования целостной картины мира, общественного единства, востребованного в условиях перехода современной цивилизации к новому технологическому укладу, основанному на приоритете нравственных ценностей.* В русской и шире — славянской — культуре монументализм соответствует цивилизационно-историческому духовному коду приоритета целого перед потребностным интересом части, возможному только при условии любви к целому — Отечеству, Родине, народу. Известный российский геополитик Н. А. Нарочницкая отмечает: «Великие державы созданы ведь не "гражданами мира", а гражданами, беззаветно любящими свое Отечество, готовыми и умереть за него, за веру, долг, честь, любовь... А когда проповедают, что высшая ценность — это право не иметь никаких ценностей, то цивилизация эта, рано или поздно, умрет и повторит судьбу Римской империи, завоеванной варварами, несмотря на то, что у нее были гораздо более совершенные технологии и организация, водопровод и даже демократия... На развалинах римского форума сейчас толпы туристов... Пришли варвары и смели это все. Вот вопрос вопросов для Европы!» [6].

И потому отказ любой национальной культуры от воспроизводства своих монументальных черт приводит к тому, что начинают распадаться ее ценностные основания. Массовая культура размельчает, фрагментирует единый ценностный фундамент общества, как бы отдавая каждому члену общества на откуп его «индивидуальную часть», которую можно трактовать и использовать по собственному усмотрению. Против этой вульгарно понимаемой свободы творчества восстает культурный принцип монументализма, который наделяет исторической и цивилизационной значимостью содержание общественного идеала, созданного для того, чтобы принадлежать всему народу в равной степени. Реализация философии монументального позволит преодолеть распад общества на отдельные «массовые» элементы и даст возможность создать обладающий «нравственными скрепами» культурный сценарий, защищающий народ от разрушающих механизмов эпохи потребления.

Библиографический список

1. *Глазьев С. Ю.* КНР как новый глобальный лидер: авторский доклад Изборскому клубу [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.izborsk-club.ru/content/articles/7581>. (Дата обращения: 23.04.2016). Заглавие с экрана.
2. *Гобозов И. А.* Постмодернизм — эпоха медиократов // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 42—54.
3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз. медиа, 2007. Т. 2. 780 с.
4. *Индриков А. А.* Диктатура конвейера: рефлексия кризиса культуры в Европе и России. Саранск: Саран. фил. ФГБОУ ВПО «Российская акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ», 2014. 167 с.
5. *Музиль Р.* Человек без свойств: роман / Пер. с нем. С. Апта. М.: Эксмо, 2008. 1085 с.
6. *Нарочницкая Н. А.* Время работает на нас [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.izborsk-club.ru/content/articles/8936>. (Дата обращения: 23.04.2016). Заглавие с экрана.
7. *Юнг К. Г.* Архетип и символ / Пер. с нем. В. В. Зеленского М.: Ренессанс, 1991. 304 с.

References

1. *Glaz'ev S. Iu.* KNR kak novyi global'nyi lider: avtorskii doklad Izborskому клубу [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.izborsk-club.ru/content/articles/7581>. (Data obrashcheniia: 23.04.2016). Title from screen.
2. *Gobozov I. A.* Postmodernizm — epokha mediokratov // *Voprosy filosofii*. 2015. № 12. S. 42—54.
3. *Dal' V. I.* Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka: v 4 t. M.: Rus. iaz. media, 2007. T. 2. 780 s.
4. *Indrikov A. A.* Diktatura konveiera: refleksiia krizisa kul'tury v Evrope i Rossii. Saransk: Saran. fil. FGBOU VPO «Rossiiskaia akad. nar. khoz-va i gos. sluzhby pri Prezidente RF», 2014. 167 s.
5. *Muzil' R.* Chelovek bez svoistv: roman / Per. s nem. S. Apta. M.: Eksmo, 2008. 1085 s.
6. *Narochnitskaia N. A.* Vremia rabotaet na nas [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.izborsk-club.ru/content/articles/8936>. (Data obra-shcheniia: 23.04.2016). Title from screen.
7. *Iung K. G.* Arkhetip i simvol / Per. s nem. V. V. Zelenskogo M.: Renessans, 1991. 304 s.